

Очерк дефляционных теорий истины

Ламберов Л.Д.

«Дефляционные теории истины – наиболее популярный подход к истинности в XX веке» - как пишет Дэниел Стольяр [*Stoljar D. Deflationary Theory of Truth // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/truth-delationary>*]. Дефляционные теории истины поддерживались такими видными представителями аналитической философии как, например, Фреге, Рамсеем, Айером и Куайном; поддержка дефляционизма часто атрибутируется позднему Витгенштейну, но не всегда обоснованно. На сегодняшний день можно отметить таких авторов, защищающих дефляционные теории истины, как Дороти Грувер, Пол Хорвич и Хартри Филд. Вообще же, дефляционные теории имеют различные названия, такие как, например, избыточная(*redundancy*), минималистская(*minimalist*), просентенциальная(*prosentential*), экспрессивизм и так далее; о детальном разборе этих классификаций смотри работу Вольфганга Кюнне [*Künne W. Conceptions of Truth, Oxford, Calderon Press, 2003*].

В целом, дефляционные теории можно разделить на теории, которые поддерживают схему эквивалентности, и теории, которые не используют ее. Схема эквивалентности – это адаптация семантической концепции истины Тарского, которую осуществил, для применения к дефляционизму, Майкл Даммит. Схему эквивалентности можно продемонстрировать в качестве того, что эксплицирует подход Рамсея; Рамсей пишет: «Истинность и ложность главным образом приписываются пропозициям. Пропозиция, которой они приписываются, может быть эксплицитно дана, либо описана. Предположим сперва, что она эксплицитно дана; тогда очевидно, что ‘Истинно то, что Цезарь был убит’ означает не более, чем Цезарь был убит, и ‘Ложно то, что Цезарь был убит’ означает не более того, что Цезарь не был убит. Они – обороты, которые мы иногда используем для выразительности или по стилистическим причинам, или чтобы показать позицию, занятую утверждением в нашем аргументе... Во втором случае, в котором пропозиция описана и не дана эксплицитно, мы имеем, может быть, большую проблему, мы возьмем утверждения, из которых мы не можем в обыденном языке устранить слова ‘истинно’ и ‘ложно’. Так, если я скажу ‘Он всегда прав’, я буду подразумевать, что пропозиции, которые он утверждает – всегда истинны, и не кажется, чтобы был способ выражения этого без использования слова ‘истинно’. Но предположим мы выражаем это так: ‘Для каждого p , если он утверждает p , p истинно’, затем мы видим, что пропозициональная функция(*propositional function*) p истинна – точно то же, что p , как, например, ценность ‘Цезарь был убит – истинно’ та же, что ‘Цезарь был убит’» [цит. по указанной работе Д.Стольяра]. Рамсей сводит вопрос об истине к онтологии, то есть к вопросу о существовании. Либо можно вспомнить известный пассаж Фреге о том, что пропозиция «Истинно, что я чувствую запах

фиалок» сообщает столько же информации, как и пропозиция «Я чувствую запах фиалок». Схема эквивалентности выглядит так:

Пропозиция, что p – истинна, если и только если p .

В применении к размышлениям Рамсея она принимает следующий вид:

Пропозиция, что Цезарь был убит – истинна, если и только если Цезарь был убит.

Следует заметить, что семантическая концепция истины Тарского – это выражение эквивалентности между языком-объектом в метаязыке и переводом предложений, выражающих состояние действительности, в метаязык. Таким образом, можно говорить о взаимозаменяемости левой и правой части в некоторых логически обоснованных контекстах, об особом виде синонимии. Причем, очевидно, что такое истолкование семантической концепции истины Тарского дает нам возможность говорить о параллелизме дефляционизма и корреспондентизма.

Дефляционисты, считая понятие истины избыточным, а размышления над природой истины – бессмысленными метафизическими спекуляциями все же согласны с тем, что истинность пропозиции зависит от положения дел. Однако, говорят дефляционисты, истинность – это не свойство (крайний дефляционизм), либо не комплексное и натурализованное свойство. Как это нужно понимать? Рассмотрим следующие свойства: (1) «существовать» и (2) «быть методистом деканата философского факультета УрГУ». Индивиды, имеющие общее свойство (2), имеют также и общую причину наличия этого свойства – договор с УрГУ. С другой стороны, каждый индивид, имеющий свойство (2) и имеющий свойство (1) не имеет общей причины для наличия свойства (1). Для каждого индивида, являющегося методистом деканата философского факультета УрГУ, например для такого индивида как «Марина Валерьевна», причина его (индивида) существования заключается в родителях этого индивида. Для другого же индивида – «Ольга Сергеевна» - причина наличия свойства (1) не совпадает с причиной наличия свойства (1) у индивида «Марина Валерьевна», так как, в противном случае, эти индивиды обладали бы также общим свойством «быть сестрами». Причина наличия свойства (1) у индивида «Ольга Сергеевна» - родители этого индивида, но не индивида «Марина Валерьевна». Таким образом, свойство существования не будет таким, как, например, свойство «быть методистом философского факультета УрГУ». Свойство «быть истинным», утверждают дефляционисты, похоже, скорее, на свойство «существовать», чем на «быть методистом деканата философского факультета УрГУ». Корреспондентисты же, в свою очередь, считают, что «быть истинным» - это свойство, которое скорее похоже на свойство «быть методистом деканата философского факультета УрГУ», а не на свойство «существования». Корреспондентист говорит, что предложения «Земля вертится вокруг Солнца» и «Эйфелева башня находится в Париже» истинны потому, что они соответствуют положению дел (или фактам); дефляционист же оспаривает это заявление корреспондентиста и говорит, что предложение

«Земля вертится вокруг Солнца» истинно потому, что Земля вертится вокруг Солнца, а предложение «Эйфелева башня находится в Париже» истинно потому, что Эйфелева башня находится в Париже. Для дефляциониста, можно сказать, нет особого «положения дел», нет так называемого «Великого факта». Таким образом, дефляционные теории истины, поддерживающие схему эквивалентности вполне выполняют требования адекватности, выражающиеся в интуиции корреспонденции. Кроме принципа адекватности дефляционизм сталкивается с очень многими другими возражениями, например, Пол Хорвич рассматривает тридцать девять различных возражений [см. *Horwich P. Truth. Oxford, Blackwell, 1990*].

Другие дефляционные теории истины не принимают схему эквивалентности. Это, например, просентенциальная теория истины или экспрессивизм. Эти теории пытаются объяснить функционирование предиката «истинный» через перенесение некоторых лингвистических функций на него. Например, экспрессивизм заключается в том, что предикат «истинный» - это лишь замена выражения отношения к предложению. Рассмотрим предложение «Солнце светит, это истинно». Очевидно, говорящий соглашается с тем, что Солнце светит, он поддерживает эту точку зрения. В таком случае, если заменить часть предложения, которая характеризуется как «истинная» на абстрактное высказывание *s*, получаем – «*S* истинно». Уже было отмечено, что «истинный» - это выражение эмоции, отношения, значит предложение вида «*S* истинно» в такой трактовке получает вид – «Ура *S*». Просентенциальная же теория, выдвинутая Дороти Грувер, заключается в том, что словосочетание «это истинно» является местопредложением и функционирует как местоимение. Для пояснения можно рассмотреть такой случай: «Марина Валерьевна работает в деканате. Это истинно, и она очень часто занята». Здесь словосочетание «это истинно» является тем, что в краткой форме замещает предложение «Марина Валерьевна работает в деканате». Замещение происходит так же, как и в таком случае: «Ольга Сергеевна хочет купить себе мотоцикл. Но она может позволить себе только велосипед». «Это истинно» в первом случае функционирует так же как местоимение «она» во втором.

Вернемся к дефляционным теориям, которые поддерживают схему эквивалентности. Между экспрессивизмом, просентенциальной теорией истины и дефляционными теориями, поддерживающими схему эквивалентности, есть общее. Оно заключается в том, что все эти теории изучают не «истину», а функционирование слова «истинный» в языке. Для прояснения этого в отношении дефляционных теорий со схемой эквивалентности можно привести пример, который основан на признании некоторого монизма, монистической логики в семантической концепции истины Тарского. Проще говоря, если мы принимаем все подстановочные в случае определения истины по Тарскому, то мы имеем определение истины, в противном случае наше определение истины не полно. Причем, иметь такое определение истины – очень удобно. Вряд ли много людей прочли все собрание сочинений Ленина, но существуют люди,

которые утверждают, что все, что сказал Ленин истинно. Можно это представить как формулу с бесконечным количеством конъюнктов, например:

Если Ленин сказал, что коммунизм наступит, значит, коммунизм наступит; и если Ленин сказал, что капитализм будет повержен, значит, капитализм будет повержен; и так далее.

Определение, которое мы имеем, принимая все подстановочные случаи семантической концепции истины Тарского, позволяет нам представить эту бесконечную формулу как формулу с квантором общности, распространяющимся на пропозиции. Как видно из этого, дефляционное определение истины со схемой эквивалентности позволяет нам совершать очень удачные переходы от одних формул к другим. И это – разумное основание понятия истины, которое освобождено от лишних метафизических спекуляций. К сожалению, перед дефляционизмом стоит задача не простого отвержения метафизики понятия истины, но и построения дефляционной теории значения, что встречает еще очень много до сих пор нерешенных проблем [см. указанную статью Д. Стольяра].